

Анатолий Ехалов

ВЕЛИКОЕ СЕЛО

Повести, рассказы, публицистика

Анатолий Елахов

Великое село

«Издательские решения»

2015

Елахов А.

Великое село / А. Елахов — «Издательские решения», 2015

Героями этой книги, полной удивительных приключений, стали крестьянские дети, геолог Северьянов, бабушка Горошина, дед Гарапон, пастух Велесов, колхозники, нефтяники, секретари обкомов, знаменитые писатели и режиссеры... В ней размышления о великой крестьянской цивилизации, еще не оцененной и не понятой нами... Выражаю признательность Леониду Николаевичу Вологдину, Сергею Борисовичу Бунееву, моим друзьям за поддержку в издании этой книги. На обложке фотография автора.

© Елахов А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Ураловы	6
Лариса	11
В землянке	13
Бегство	17
Ночь на реке	20
У рыбаков	22
В тайге	28
У старообрядцев	30
Анютка	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Великое село
Повести, рассказы, публицистика
Анатолий Ехалов
Страна живого огня

© Анатолий Ехалов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Ураловы

Васька лежал на траве, смотрел на высоко плывущие облака и размышлял. О многом думалось ему. Вот, например, смог ли бы он выжить на природе. Один. Без помощи взрослых.

Мама часто рассказывала про Васькиного деда, Ивана Никитовича Уралова. Она говорила так: «Выкинь его на голые камни, а часа через два поверни, так он с той стороны уже мхом обрастет... Иван Никитич не мог жить плохо, где бы он не оказывался!»

Жаль Васька не застал деда.

У деда на берегу реки Сухоны на Вологодчине стоял дом в два этажа, крытый железом, над крышей была башенка, в которой были установлены большие часы с боем. Всей деревне Ураловские часы задавали время.

Васькин дед был человеком предприимчивым. В Петербурге держал два трактира. Один трактир был лично его, а второй он отдавал внаем землякам.

Но Иван Никитович жил не для того, чтобы иметь много денег. Ему нравилось, когда вокруг его все кипело и бурлило.

Когда он собрался жениться, невеста, будущая Васькина бабка, Мария Дмитриевна, поставила условие: «Купи земли десятин сто пятьдесят, сто десятин лесу да поставь дом, тогда и приезжай свататься. А в твои трактиры я не верю.» К тому же Иван Никитович любил кампанию да и выпить был не дурак.

Но условия, поставленные невестой, выполнил. Бабка в деревне осталась на хозяйстве, а он в городе заправлял трактирами, приезжая время от времени к семье, которая едва ли не с каждым его приездом прирастала.

Все ему удавалось легко. В деревне построил маслозавод, да не простой, а который масло делал «парижское», только для заграницы. С крестьянами заключил договор, чтобы своих коров они кормили сеном только с заливных лугов, где богатое разнотравье.

А что бы заинтересовать крестьян, за такое молоко он платил в полтора раза больше.

К крестьянам дед благоволил, ссужая деньгами без всяких процентов. А вот дворянское сословие не любил, считая его самым бесполезным в обществе.

Недалеко от их деревни было имение графа Геленшмидта. Так вот этот граф с его непутевым сыном, бывало проиграются, пропьются в Питере, приедут в имение и посылают управляющего к Уралову денег в долг просить.

– А чего это граф сам не приедет ко мне? – Обижается Уралов. – Почему тебя посылает?

– Да разве может он к тебе, мужику, обращаться с просьбами. Он же граф!

– Да у меня вот в этом кармане граф сидит, а в этом – другой. – Вот пусть приедет, да поклонится, тогда я ему, может быть и ссужу.

Делать нечего. Старый граф к Уралову едет с поклоном. А тот такой процент завернет, что граф взмолится:

– Да это же чистой воды грабеж!

– Да на что вам деньги? Все – равно прогуляете их да проиграете. А я хоть крестьянам эти деньги раздам, они их в дело пустят.

Перед революцией закрыл Иван Никитович трактиры в городе, уложил посуду в сундуки и уехал в деревню, что бы целиком заниматься сельским хозяйством. Было тогда у деда к тому времени одиннадцать дочерей и два сына.

В 1927 году стали поговаривать, что богатых скоро начнут прижимать. И вот как-то ночью Ураловская маслобойка вспыхнула и сгорела до тла... Потом отобрали лес...

В тридцатом деда хотели раскулачить, но буквально вся округа встала за него. Мужики помнили добро. И Уралова раскулачивание не тронуло.

Правда, дом со светелкой и часами мог подвести. Уралов железо с крыши снял, часы, посуду, все, что было ценного, потихонечку распродал и к 30-му году дом уже был дранкой покрыт, и светелки не было.

Впрочем, Иван Никитович не сильно горевал о пропавшем богатстве. Он считал, что более-менее легко нажил имущество. Когда стал помирать, перед смертью сказал жене:

– Не грехи, мать, на людей. Маслобойку-то я сам сжег, чтобы семью не тронули.

А помер Иван Никитович от огорчения. В хозяйстве у него было две лошади. Одна – рабочая, а вторая – выездная – Воронуха. Эту лошадь Илья, сын младший, привел с гражданской войны.

Илья Иванович воевал в коннице Буденного аж до 26-го года. Последний поход первой конной армии был в Среднюю Азию, и когда басмачи там были разбиты, Буденный сказал, что все кавалеристы уедут домой на своих конях.

Илья Уралов отчаянный был рубака, семнадцати лет попал на империалистическую войну, его ранили в плечо, привезли домой. Сосед, Ваня Пиков, дураковатый такой малый, спрашивает:

Расскажи, Илюшка, как там на фронте – то?

– Ну, Ваня, лучше и не спрашивай. Вот сидим мы в окопах, вдруг как закричат командиры-то: «Вперед, в атаку!»

Мы винтовки на перевес, вскакиваем и бежим: «Ура!»

А немец по нам из пулеметов, из пушек так и бьет, так и жарит! Кому ногу уже оторвало, кому руку, кому голову. А мы на это внимания не обращаем, бежим и кричим «ура».

А как же без головы-то?

– А тряпицу какую-нибудь навьем, голову подмышку, дальше бежим в атаку! Потом в лазарете голову-то и приставят, нитками суровыми пришьют до следующего боя.

Илья Уралов в армии Буденного прошел всю гражданскую, вернулся домой на Воронухе в полной кавалеристской форме, с карабином, шашкой и наганом.

Сдал он в военкомат только один карабин, седло и лошадь оставил, наган спрятал, а саблю на стену повесил. Бывало, как выпьет на празднике, хватается за саблю и побежал по деревне: «Изрублю в капусту!»

Марья Дмитриевна, боясь, чтобы спяну сын не натворил беды, призвала кузнеца и попросила перерубить шашку пополам. Тот сделал из нее два великолепных косаря лучину щепать. Наган она спрятала под крыльцо, и остался Илья Иванович без оружия...

Зато Воронуха на загляденье была кобылица. Старший Уралов полюбил эту лошадь всем сердцем. Без куса сахара в стойло не входил.

Бывало на праздник запряжет ее в легкий возок, украсит гриву яркими лентами, колокольчиков под дугу навесит, понесется по улице, только снежная пыль клубится – глаз не отымешь!

Когда колхозы начались, лошадей у них отобрали. Месяца три-четыре прошло, наверное, пришел Уралов на конский двор, а Воронуха-то и голову повесила. Иван Никитович с расстройства заболел да и умер. А вслед за ним убралась и Мария Дмитриевна.

...В то время Васькин отец Василий Иванович уже заканчивал техникум механизации сельского хозяйства. И быть бы ему одним из первых председателей колхозов, но судьба повернула на другую дорогу.

Тогда прозвучал призыв партии и правительства: «Стране нужно 150 тысяч летчиков!» И молодежь откликнулась на него всем сердцем. В авиационные училища буквально хлынул поток молодого народа. Приемные комиссии уже не выдерживали этого напора, и тогда комиссии стали выезжать на места и отбирать кандидатов на поступление.

Приехала комиссия и в техникум, где учился Васькин отец. Уралов ради интереса пошел взглянуть на будущих летчиков. А там нужно было пройти врачей. По здоровью прежде всего

отбирали. А у Уралова здоровье было хоть куда. Занимался на турнике, на брусках, двухпудовую гирию выкидывал столько, что надоедало считать. Вот и решил: «А чем черт не шутит: пройду=ка и я этих врачей»

Комиссия прошла, председатель комиссии, комиссар – две шпалы в петлицах, – и говорит:

– Вашему техникуму повезло больше всех. С вашего заповедения четверо юношей имеют право по состоянию здоровья поступать в авиационное училище.

Ну, и зачитывает фамилии в том числе и Уралова.

У друга Василия, Гриши Сухарева давно была мечта стать летчиком во что бы то ни стало. Но его фамилии в списках не оказалось.

– А Сухарев? – спрашивает он комиссара.

– А Сухарева нет.

– Посмотрите еще раз!

– А, вот товарищ Сухарев, нашел Вашу карточку. Вы не прошли, по здоровью. У вас три минуса. Не годен.

– Как так? Вот, Уралов десять километров на лыжах идет 49 минут, а я – 42 минуты. Уралов попадает, годен, а я не годен? Где же тут логика, где же справедливость?

Комиссар усмехнулся и говорит:

– Все верно, товарищ, Сухарев. У вас 42 минуты, но нам нужны не лыжники, а летчики.

...В 38-м Уралов закончил летное училище. Впереди открывались необозримые горизонты. Еще в училище Уралов стал заниматься изобретательством, пытался сконструировать автоматический компрессор к самолетным двигателям. Конструкция получилась удачная.

Молодого курсанта направили с чертежами на слет изобретателей и рационализаторов в округ, где он повстречался с легендарным конструктором авиационной техники Ильюшиным.

Когда Уралов развесил чертежи и коротко изложил суть своей конструкции, к нему подошел один большой инженер с двумя ромбами в петлицах и ласково потрепал по плечу

– У этого младшего лейтенанта котелок варит. Вы его направьте в авиатехническую академию. Ему не летать надо, а изобретать. У него цепкий ум. Смотрите, как он просто решил этот вопрос автоматизации.

Это был Ильюшин.

– Смелее парень, – сказал он Василию. – Все у тебя будет хорошо.

Уралов знал, что Ильюшин незадолго до начала первой мировой ушел из глухой вологодской деревни, имея два класса церковно-приходской школы, копать канавы под строительство аэродрома в Питере...

Спустя пятнадцать лет он был уже ведущим авиаконструктором страны. А сколько их тогда, в буквальном смысле от сохи, пришло в промышленность, науку, сумев в кратчайшие сроки освоить весь предшествующий опыт цивилизации и вывести страну в мировые лидеры, создав новые технологии, сконструировав и выковав оружие победы, поднявшись до вершин космоса... Этот феномен русского крестьянства поверг в изумление мир.

Уралову придется воевать на самолетах Ильюшина, признанных потом лучшими штурмовиками второй мировой.

...Летом тридцать восьмого приехал Василий отдыхать в лагерь для активистов молодежного движения и познакомился там со своей будущей женой, энергичной и веселой красавицей Надюшей, которая заведовала в райкоме отделом пионеров и школьников. Через год у них родился сын Васька. Молодые жили в маленькой комнатухе, выделенной им при войсковой части. Ваське было всего два года, когда грянула война.

В первый день войны аэродром разбомбили, отлаженная немецкая военная машина железной поступью шла по советской стране, уничтожая все на своем пути.

Немцы были совсем рядом, и отец отправил Надежду с маленьким Васькой в срочном порядке на родину. К дяде Илье.

Но и дядя Илья скоро ушел на фронт и пропал где-то там далеко в гибельной пучине войны. Больше никого из близких не было рядом с ними. И они стали жить одни, из всех сил борясь с морозами и голодом.

А на фронте бился с врагами отец. Были в советском командовании светлые головы. Из полу разбитых летных частей собирали мощный воздушный кулак. Уралова посадили на штурмовик, и он оказался в числе тех, кто должен был нанести Германии непоправимый урон.

В самом начале войны Геббельс заявил, что ни один вражеский самолет не проникнет на территорию Германии и ни одна бомба не упадет на ее города и города союзников. Авиации противника больше не существует.

Советские самолеты летели черной тучей. Нефтеперегонные заводы Плоешти в Венгрии были залиты электрическим огнем. В городах не было никакой светомаскировки, противовоздушная оборона ни чем себя не проявляла.

Уже через несколько минут гигантское пространство бушевало морем огня. Нефтеперегонные заводы были уничтожены полностью. Последствия этой бомбардировки были для Гитлера катастрофическими. С этого времени Германия постоянно испытывала нефтяной голод...

Потому то они так рвались к Бакинской нефти...

Уралов был в полку штурмовиков любимцем. В штурмовой авиации требуется сохранять особую выдержку, идти под обстрелом, как бы не замечая зенитного огня, а потом, выбрав цель, нужно круто сваливаться в пике...

У Уралова это получалось хорошо. Можно сказать лучше всех.

Судьба его берегла. Но однажды противник все же достал его самолет. Снаряд попал в двигатель, выбросило масло, залило стекло, приборную доску. Уралов все же дотянул до своих, самолет сажал на брюхо, имея лишь боковой обзор. При ударе лопнули позвонки и тазовые кости.

Два месяца лежал на полном скелетном вытяжении. Товарищи по госпиталю уже радовались за него. Вот поправишься, говорили, на фронт тебя не пустят, поедешь домой, станешь хозяйствовать на земле, к мирной жизни приставать...

А когда Уралов бросил костыли и уже ходил с палочкой, приехал из части его друг Петр Кузнецов, ведомый Уралова, со слезами на глазах стал рассказывать, что прибыли в часть «грачи», не обученные молодые летчики и что Петру придется теперь летать с ними. А это верная погибель.

И Василий решил бежать на фронт в свою часть. Петр достал одежду, а Василий спустился ночью по простыням со второго этажа, и они нарезали в свою часть.

...Немного погодя к летчикам прибыл тыловой генерал с проверкой. Летчики выстроились на летном поле, а генерал стал обходить строй. Заметил Уралова с палкой, поднял скандал.

Командир полка вступился за Уралова:

– Товарищ, генерал! Вы на это не обращайте внимания, он немного не долечился, но он скоро бросит палку. Бросит. За то он летает хорошо. Хотите взглянуть?

И Уралов устроил показательное выступление. Самолет резко вырулил на взлетную посадку, стремительно оторвался от земли и пошел закладывать фигуры высшего пилотажа так, что у начальства быстро закружились головы.

Уралову приказали вернуться на аэродром.

– Вот, грачи, – восхищенно сказал генерал, – учитесь летать так, как летает Василий Уралов!

...Война катилась на Запад. Уже давно в воздухе было превосходство Советской Армии, но каждый день война забирала все новые жертвы и среди летчиков.

А летали каждый день. И каждый раз перед вылетом комиссар эскадрильи зачитывал перед летчиками приказ Главнокомандующего за номером 227. Знаменитый приказ Сталина «Ни шагу назад!»

И вот однажды Уралова словно бес подтолкнул в ребро. Когда комиссар в очередной раз стал зачитывать приказ, он не выходя из строя с усмешкой сказал: «Приказы читать – не приказы выполнять!» Эта бравада стоила ему дорого.

К вечеру он был уже в особом отделе, из лап которого выволить человека было практически не возможно.

Но все же Уралов был любимцем. Ему благоволили и командир, и начальник штаба полка. Чтобы их любимца не расстреляли, они разжаловали его из капитанов до сержанта задним числом и передали в запасной полк.

Допросы шли день и ночь. Уралова пытались обвинить в пособничестве врагу. Сменилось четыре следователя, а четвертый доверительно уговаривал:

– Вот что парень, у тебе все равно выхода нет, давай подписывай, иначе тебя здесь заморят и забьют, а после, война уж к концу идет, разберутся, а сейчас некогда.

Но Уралов не дрогнул и вины своей не признал. А вскоре его освободили и все обвинения с него сняли.

...Похоронка на Уралова Василия Ивановича пришла уже после окончания войны. Васькин отец погиб смертью храбрых, штурмуя последнюю цитадель фашизма – Берлин. Ваське было в ту пору шесть лет.

Лариса

Васька представил себя таким же сильным и взрослым, представил как он воюет на фронте вместе с отцом, как они вместе идут в бой, как самолет отца прошивает вражеский снаряд, и как Васька спасает его, вытаскивая с немецкой стороны через линию фронта...

Потом вместе с отцом возвращаются они в родной дом на берегу полноводной реки, умываются вместе, фыркая под умывальником, и как мама подает им большое махровое полотенце. А рядом с мамой...

В этом месте сердце Васькино наполнилось щемящей радостью... Рядом с мамой была она – Васькина невысказанная любовь – девочка Лариса с распахнутыми небесной голубизны глазами, тяжелой русой косой до пояса и ласковым мягким голосом... Она жила с Васькой в этом детдоме, они вместе ходили в школу, вместе сидели за обеденным столом, вместе работали на огороде... Когда она проходила мимо, Васькино сердечко замирало в сладостной истоме, и казалось Ваське, что ради ее, ради этой воздушной, неземной девочки, он готов совершить самый отчаянный, самый безрассудный поступок вплоть до самопожертвования. Но об этом не знал никто, тем более сама девочка Лариса. Признаться в любви было выше Васькиных сил.

Но однажды стояли они рядом на школьной линейке, и нечаянно руки их коснулись. Ваську словно пронзило всего электрическим током. Но он не убрал руку. Не убрала и Лариса. Больше того, пальцы их сплелись и согрелись общим теплом.

Все линейку простояли они рука в руку, словно бы слившись воедино. Васька был на седьмом небе от счастья. Но вот слова у Васьки застревали в горле, когда он пытался поговорить с Ларисой.

Так и жил он в своих сладостных мучениях невысказанных чувств. И лишь один человек знал о Васькиных страданиях, и этого человека Васька ждал сегодня у своего костра.

...На угоре в детском доме началось движение, зазвенели голоса и утренний прохладный воздух наполнился энергичными чудными звуками трофейного немецкого аккордеона.

Это играл Виктор Акимович и, вторя голосу аккордеона, пел весь их детдом:

«Ну-ка солнце ярче брызни,
Золотыми лучами обжигай!
Эй, товарищ, больше жизни!
Поспевай, не задерживай, шагай»

Песня звучала согласно и дружно. Васька тоже не удержался, вскочил и принялся маршировать, подхватив песню, которую пели его друзья:

«Что бы тело и душа,
Были молоды, были молоды!
Ты не бойся ни жары и ни холода!
Закаляйся, как сталь!»

Козы, овцы, телята и коровы бросили есть траву и недоуменно уставились на своего командира, весело марширующего на лугу и поющего задорную песню. Они тоже, может быть, подхватили бы ее, если бы умели говорить и петь.

А с угора катилось дружно:

«Физкультура ура и будь здоров!

Когда настанет час бить врагов,
Со всех сторон ты их отбивай!
Левый край, правый край!
Не зевай!»

Скоро зарядка кончилась, дети ушли с улицы, а Васька приложив козырьком руку ко лбу стал выглядывать: не бежит ли кто в его сторону от детского дома. И верно, с угора к реке вприпрыжку бежал мальчишка, направляясь в их сторону.

– Колька! Покачев! Я тут! Беги сюда скорее! – Васька радостно запрыгал и замахал призывно руками.

Колька Покачев – ровесник Васькин. Только росточком поменьше, волосы потемнее, глаза с прищуром...

Мальчишки подхватив Васькину котомку, припустили бегом, только засверкали пятки, туда, где к высокому берегу реки подступали густые заросли ивняка. Васька первым скатился по откосу к реке. Прямо над ним темнел в песчаном берегу вход в землянку, прикрытый спускающимися ветками ивняка, так, что постороннему вряд ли можно было отыскать эту ребячью ухоронку.

Отодвинув ветки, ребята проникли внутрь просторной землянки. Если стоять в ней надо было согнувшись, то сидеть и лежать было хорошо и свободно. Стены и потолок были зашиты разнокалиберными досками. По бокам землянки были сделаны лавки и стол, у входа стояла прогоревшая в нескольких местах, но все еще пригодная к делу железная печь буржуйка, должно быть выброшенная рыбаками с катера.

Ребята зажгли лучину и уселись на лавки.

В землянке

Дел в мальчишеском хозяйстве не переделать. Коля извлек из-под лавки вышитый зеленой каймой кожаный мешок, перетянутый сыромятной кожей, развязал его. Родовой бубен был в его мешке сверху. Коля поднял его над головой, ударил в тугую кожу рукой. Бубен отозвался, но голос его был глухим и неясным.

– Однако отсырел! Вот когда этот бубен согреет женщина в красном халате, тогда он заговорит. Шаман с бубном любую хворь из человека выгонит. Я сам видел.

– Женщина? В красном халате? – Удивился Васька, непроизвольно оглядываясь.

– Так у нас огонь называется. Он живой. К нему надо бережно, уважительно относиться, иначе может беда случиться. – Отвечал Покачев.

Бубен лег на стол. Вслед за ним из мешка появился на свет охотничий вогульский нож в кожаных ножнах.

Коля вытащил сверкнувшую в неверном свете лучины сталь и вздохнул глубоко.

– Этот нож из поколения в поколение передается. Теперь он мой, а я его своему сыну должен передать. Этот нож во всем помощник. И на охоте, и на рыбалке, и в хозяйстве. Но им нельзя пролить кровь другого человека.

– Даже если другой человек хочет тебя убить? – Васька был поражен. – Даже если это Гитлер?

Покачев задумался.

– У нас нет между людьми вражды. У нас всего всем хватает: и земли, и тайги, и оленей. И рыбы в озерах, и муксуна в реках... Надо помогать друг другу, зачем убивать? Так всегда в нашем роду Шуки делалось.

Теперь Васька был озадачен словами друга. Если бы все любили друг друга, помогали, друг другу, то откуда же тогда взялась бы смертельная вражда? Тогда бы не было ни Гитлера, ни Муссолини, тогда бы отцу Васькиному в страшном бою не пришлось бы сложить голову за Родину, за Ваську и маму его, за миллионы таких вот детей, которые сами не в силах себя защитить... Может быть, вогулы какой-то совершенно другой народ. Не такой, как все?

– Так что же, получается, если ваш род произошел от Шуки, так ваши предки из озера что ли вышли? – Спросил обескураженный Васька. – Мы же проходили в школе, что все люди от обезьян произошли.

– Так мне дедушкам говорил. Мы много, много лет, этого уже никто и не помнит, живем, на берегу своего родового озера. Он говорил, что шука нашему роду жизнь дает.

– А разве не олень? – Удивился Васька. – Вогулов всегда с оленями изображают. Да еще с собаками.

– Одни рода от горностая произошли, другие от оленя, третьи от куропатки. Наш – от шуки. А вот ты когда-нибудь наш хлеб пробовал?

– Эка невидаль, хлеб, он хлеб и есть.

– Не, Васька, Наш хлеб особенный. Он из шучьей икры делается. Я тебя как-нибудь по весне таким хлебом угощу. И шукой нашего приготовления. У нас ведь все без соли готовится.

– Без соли? Без соли невкусно. – Усомнился Васька.

– А вот увидишь! – Возразил горячо Колька. – Пальчики оближешь!

Он вытряхнул содержимое мешка на стол. Тут были в основном рыбацкие снасти: лески, крючки, поплавки, поводки.

– Ты меня ухой угостил, я тебя угощу шукой. Я видел, здесь в устье ручья шука мелочь гоняет. Сейчас только снасть сделаю.

Коля принялся терпеливо привязывать к лесам поводки и крючки.

– Я Васька все равно вернусь к себе на озеро. Мне сон был, что надо на озеро возвращаться. Родственники ждут. Они пришли на озеро, а там никого. Говорят, ты Николай, главный теперь в роде Шуки, тебе за озеро ответ держать. Вот только припасы сделаю и уйду.

Сначала на лодке поплыву, потом тайгой пойду. Нельзя, чтобы наше озеро осталось без хозяина. Я чум поставлю, олешек заведу, собак. Потом женюсь, детей стану растить... Хочешь пойдем со мной! Два чума рядом будет. Вместе станем рыбу ловить, куницу добывать, соболя... Тебе жену высватаем, – совсем, как взрослый заговорил маленький Покачев.

– Мне, Коля, навсегда нельзя. Я маму жду. – Удрученно отвечал Васька, опустив русую головушку. – И еще почему, ты знаешь!

– Я тебя понимаю, тебе насовсем нельзя. Но ты ко мне будешь приезжать в гости!

– На оленях, – оживился Васька. – Или на собаках.

– Я тебя на собачьей упряжке приеду встречать.

– А как ты узнаешь, что я еду? Ведь в стойбище почты нет, Кто телеграмму доставит?

– К тому времени у нас будут рации. Я видел у геологов. В такую черную трубочку говоришь, а слышно за сто километров...

Теперь Васька вытащил из-под своей лавки деревянную шкатулку. Здесь хранилось самое сокровенное его достояние. Фотокарточка отца с фронта. Васькин отец. Высокий, плечистый в кожаной летной куртке, кожаном шлеме с летными очками и планшетом в руках. Глаза с веселым прищуром. Знакомые ямочки на щеках. На обратной стороне надпись: «Моим дорогим и любимым: сыну Ваське и жене Надюше. Вернусь с Победой!»

На другой фотокарточке они были сняты все вместе: Васька в валенках с блестящими калошами, матросском костюмчике сидел на руках у отца и рядом мама – коса короной, глаза лучатся счастьем и теплом.

Здесь было несколько писем отца с фронта и письмо мамы с казенным фиолетовым штампом «Проверено цензурой»

Васька развернул последнее:

«Здравствуй дорогой сыночек!

Верю, что ты у меня сильный и самостоятельный мальчик, что ты достойно перенесешь эту вынужденную разлуку.

Я верю, что справедливость восторжествует, и скоро мы будем вместе. Главное в нашей жизни, милый Васенька, не утратить веру в добро и справедливость. Ради этого наш папа, как и миллионы других отцов, сложил свою голову на этой жестокой войне... Учись лучше, будь твердым и смелым и не бойся смотреть правде в глаза...»

Васькина мама жила с отцом всего каких-то три года. Но каких! Это время было для них счастливым, определившим всю дальнейшую судьбу. Надежда Петровна Уралова пронесла любовь к своему мужу через всю жизнь и всю жизнь хранила верность ему.

В последнее время она работала заведующей детским садом поселка лесопромышленников. Она по-прежнему была стройна и красива, и многие мужчины подолгу останавливались на ней взгляды.

Васька видел, что к ним в дом не раз приходил человек в полувоенной форме с недобрыми вороватыми глазами. Мальчишка слышал, что они о чем-то напряженно разговаривают с мамой в прихожей, и каждый раз этот недобрый мужчина уходил раздосадованный, громко хлопая дверями.

Однажды летом они выехали вместе со всем детским садом на дачу. Место было прекрасное: река, сосновый бор с целительным воздухом, парное молоко прямо с фермы. Детишки хорошели на глазах.

И тут произошла досадная история. Некоторых ребятишек, видимо от перемены питания, пронесло. День два поили их рисовым отваром, и напасть эта отступила. Что тут скажешь? Дело-то обычное.

Однако не все так думали. Поздно вечером к воротам лагеря приехала машина «черный ворон» и Васькину мать увели хмурые люди в черных плащах. Васька даже не успел сказать ей слова. А потом всю ночь в кабинете Надежды Ураловой был обыск. Искали, как прошел слух, отраву, с помощью которой враг народа Уралова пыталась отравить пролетарских детей.

Вот уже год живет Васька в Погореловском детском доме, веря и надеясь на скорую встречу с мамой. А ее все нет и нет.

...Васька бережно уложил на дно коробки письма, достал со дна ее чистый тетрадный лист, деревянную ручку с пером и чернильницу непроливайку, переменял лучину и задумался. «Надо быть твердым и смелым», надо защищать маму, надо отстаивать справедливость. Но как?

Он прикусил от старания язык и вывел на листе первую строчку:

«Дорогой товарищ Сталин! Пишет Вам пионер Василий Уралов.»

Дальше пошло легче.

«Я живу сейчас в Погореловском детском доме, мы живем хорошо, но я сильно скучаю, потому что мою маму Уралову Надежду Петровну забрали в тюрьму, потому что она хотела отравить детей.

Товарищ Сталин! Я даю вам честное пионерское слово, что это неправда. Просто ребята наелись зеленых ягод и запоносили. Я им не давал ягоды есть, но разве за всеми уследишь. Моя мама самая добрая и самая лучшая.

Во время войны она едва не умерла с голода, потому что делила свой паек с детьми, которых привезли в Сибирь из блокадного Ленинграда.

Пожалуйста, помогите мне, товарищ Сталин, добиться правды и вернуть домой маму.

Василий Уралов, пионер.»

Васька свернул листок вдвое, заложил его в конверт, на котором четко вывел адрес:

«Москва. Кремль. Товарищу Сталину»

Васька достал второй лист и собравшись с духом написал:

«Погореловский детский дом. Ларисе Жарковой.»

Как не хватает Ваське сейчас смелости хотя бы на бумаге рассказать о том, как влечет его к этой девочке. Как начинает сладко волноваться сердце, лишь слышит он ее шаги на лестнице, как не в силах он отвести глаз от нее, как страдает, когда не видит ее долго.

Зашел с улицы Колька Покачев, сел на лавку и с сочувствием посмотрел на друга.

– Хочешь я тебе помогу. Чтобы девушка на тебя обратила внимание, нужно попросить об этом между кочек живущую.

– Кого-кого? – Не понял Васька

– Вот ее. – Колька вытащил из кармана тряпицу и развернул. На ладони сидела лягушка. Самая обыкновенная лягушка.

– И как ее надо просить? – Опешил Васька.

– Между кочек живущая считается у нас священным существом. Она всегда влюбленным помогает. Ее косточки нужно зашить в рукав и коснуться рукавом любимого человека.

– Нет, Колька. У нас в этом деле лягушка не помогает. В наших сказках на лягушках женятся... – Ответил Васька с сожалением. – Уж я попробую сам.

...Покачев ушел, а Васька терпеливо склонился над тетрадным листом, шмыгая носом и поправляя лучину, пока не появились на листе эти три волшебные слова, давшие Ваське с таким трудом: «Я люблю тебя, Лара!»

Мальчик бережно свернул листок в трубочку, достал из-под лавки заготовленную бутылку и опустил в нее письмо. Потом он залил горлышко прихваченным на почте сургучом.

Первый конверт с письмом товарищу Сталину Васька отнесет на почту. А это послание, где открыты самые сокровенные чувства, про которые знает лишь он да его друг Покачев, будет хранить зеленая бутылка, которая отправится по реке, может быть, до самого Северного

Ледовитого океана, где плавают на льдинах усатые моржи да бродят в снегах белые медведи. Там, под сиянием сумрачных небес, будет замерзать во льдах его чувство, а, может быть, оно станет таким сильным, что растопит льды, и здесь на диком Севере зацветут сады и вырастут новые сказочные города, где не будет места человеческой несправедливости, злу и насилию. Где только дружба и любовь, где только верность и взаимовыручка будут жить в человеческом сообществе.

Васька вывалился из землянки на приплесок реки. Она катила могучий поток, теряясь в мареве жаркого дня. Колька Покачев рыбачил с лодки, привязав ее к шестам, воткнутому глубоко в илистое дно. Высоко в небе кружили черные вороны, распластав крылья.

Воздушным потоком, поднимавшимся от реки, их выносило все выше и выше в безбрежную синеву неба.

Васька размахнулся и бросил в темную рябь реки заветную бутылку. Бутылку подхватило течением, и скоро пропала она вдали, слившись с водами великой реки.

Ваське сразу стало легко на душе. Он поднялся по обрыву на берег и припустил догонять ушедшее далеко по берегу стадо.

Бегство

Четверг – день политической грамотности. Все воспитанники детдома собирались в актовом зале, и кто-то один делал доклад о текущей политической обстановке.

Сегодня докладчиком был Покачев. Накануне он целый день сидел в библиотеке, читая газеты.

– Ну, что, Коля, вы скажете нам о событиях в мире? – спрашивал Виктор Акимович.

– Империалисты бряцают оружием, Виктор Акимович. Очень сильно бряцают. – Озабоченно доложил Покачев. – Американцы взорвали водородную бомбу. Они хотят запугать всех, чтобы народы мира поступали так, как захотят того американцы. Но народы мира не хотят танцевать под американскую дудку. Растет освободительное движение в Африке.

– Молодец, Коля. – Похвалил Покачева Виктор Акимович и мальчик расцвел. – Ты хорошо подготовился к политзанятиям. Продолжай.

– Народ Северной Кореи дает отпор американским агрессорам. Корейские летчики с помощью своих китайских братьев сбили пять американских летающих крепостей Б-52. Очень метко стреляют наши корейские товарищи, Виктор Акимович!

– Хорошо, Коля. Садись. – Ласково посадил Покачева Виктор Акимович. – А теперь давайте-ка подумаем ребята, почему в мире столько зла. Почему одни стремятся все-время пугать других, да и не только пугать, но применять насилие: стрелять, бомбить, готовить такое ужасное оружие, которое способно уничтожить все живое на планете?

Ребята задумались.

– Они хотят завладеть всеми богатствами мира! – догадался Васька.

– Правильно, Уралов. В том мире, где на нас точат ножи, там царит власть золота, денег, наживы. Все, что там не делается, всем заправляет этот желтый дьявол – золото. И он лишает людей смысла жизни, потому что деньги, материальные богатства не могут человека сделать счастливым.

– Но как же без денег жить? – Спросил Васька.

– Правильно, Василий. Без денег пока нельзя. Деньги это кровь экономики, инструмент для организации производства и всего государственного механизма.

Если деньги используются, как инструмент для организации производства, жизни общества – это благородная задача денег. Если они удовлетворяют потребности человека, кормят, одевают его – это тоже хорошо, но если деньги становятся основной целью человеческой жизни – это беда.

– Так в чем тогда счастье-то? – Спросил кто-то

– Счастье, ребята, в том, чтобы быть свободным от жадности, зависти, корыстолюбия. Эти страшные качества разрушают человека, делают его глубоко несчастным, хотя он этого может и не замечать. А счастье, ребята, в общении и любви друг к другу, взаимопомощи и поддержке. Счастье в том, что мы живем в такой стране, где для вас открыты все пути. Где деньги не играют решающей роли. Если ты заболел, – тебя будут лечить бесплатно, если ты хочешь учиться – учись, никто с тебя за это не спросит денег.

– Вот кем ты хочешь стать, Уралов?

– Я хочу быть инженером в деревне, чтобы облегчить труд на земле.

– Я рад за тебя, Вася.

– А ты, Коля Покачев?

– Я хочу стать доктором. Хочу лечить зверей, птиц, рыб. Хочу чтобы не только люди, но все, кто живет с нами рядом, никогда не болели. А еще хочу быть учителем, чтобы учить детей в стойбищах. Я еще окончательно не решил.

– Это очень благородное занятие, Коля. И то и другое. И мы поможем тебе стать таким либо доктором, либо учителем...

Ребята расходились в приподнятом настроении. Мечталось высоко и радостно....

...До ужина было еще время, в хорошем расположении духа отправился Васька погулять и заглянул на задворки детского дома.

Там слышно было сдержанное сопение и звон монет. Не все были на занятиях, кто-то из старших затеял игру в деньги.

...На кону стояло больше рубля. Кон – черта, отведенная на земле. На черте стопкой монеты. Кто больше поставит, тот первым и бьет. Бить надо свинцовой лепешкой с расстояния метра в три.

Когда Ленька Кропачев, долговязый конопатый парень лет пятнадцати наклонился с битой в руке, то казалось, что он чуть-чуть не дотягивается рукой до кона. Такому бить пол дела, промахнуться трудно.

Раз! И стопка монет опрокинута. Один десятиничик лежит кверху орлом. Ленька тут же его в карман отправил. Ударил битой по остальным, сразу несколько монет перевернулось. Так до остальных очередь и не дошла, все деньги у Леньки в кармане.

– Ну, что пацаны, – загоготал Ленька. – Есть еще желающие поддержать голодающих...

Денег больше ни у кого, кто играл, не было. да и откуда возьмутся они у безотцовщины... Все что было заработано на сдаче макулатуры и металлолома или проиграны Леньке или потрачено на сладости.

Ленька Кропачев по прозвищу Клоп с дружкой своим Андрюшкой Чеканом держат в детдоме негласное первенство. Андрюха кидал двухпудовые гири, как резиновые мячики. Но, не смотря на свою силу, Андрюха у Кропачева был в подручных.

Они уже и в деревню ходили на гулянки, и курили тайком от взрослых, не стесняясь малышни.

– О, почти трояк! – Пересчитал куражисто Ленька выигранную мелочь. – Маленькие игроки понуро хлюпали носами. Все же жалко было проигранных денег, добытых с таким трудом. А Ленька все не унимался.

– Хватит на папиросы и на пряники. Вот пойдем мы с Андрюхой на беседу в деревню, папиросы в зубы, кепки на ухо, пряники в кулке – все девки наши будут.

– А зачем вам девок пряниками кормить, дали бы лучше нам! На наши деньги-то. – Промолвил кто-то из салажат.

– Были ваши, стали наши. А насчет девок-то вам, салапетам, не понять. Вам еще об этом и думать рано.

Васька участия в игре не принимал. На задворки забрел ради любопытства, да и засмотрелся, как играют другие.

Леньку Кропачева он не любил. Какой-то он был не настоящий, в разговорах и поступках подленький. С младшими разговаривал сквозь зубы, пренебрежительно, Андрюху Чекана на словах хвалил и возносил, а по за его спине плевался, перед учителями и старшими заискивал...

Васька знал, что Кропачев заглядывается на Ларису Жаркову, что и пряниками ее угощал и пытался по дороге из школы остаться с Ларисой наедине. Только вот Лариса, это знали все, от Леньки всякий раз отворачивалась, убегала. И это обстоятельство, видимо, Ленькиному самолюбию не давало покоя.

И язык у Леньки был поганый. Мог обидеть ни за что, ни про что.

Ленька окинул взглядом ребятшек, заметил Ваську и вдруг дурашливо оскалился.

– Вот Лариска Жаркова и та за пряники не откажет. Любого полюбить согласна. Васька знает!

Кровь ударила Ваське в голову. словно пружина сработала внутри его тела. Он в полете ударил головой в Ленкин живот и поверг наглеца на землю. В следующее мгновение он уже сидел верхом на извивающемся противнике и лупил его кулаками.

– Гад! Фашист проклятый! – Хрипел Васька. – Я тебе язык вырву!

Испуг парализовал Ленку. В глазах его был ужас. И Ленка завизжал, как поросенок, которого собрались резать.

Этот истошный визг отрезвил Ваську. Он хотел было оставить поверженного врага, как тут почувствовал, что сильная рука оторвала его от противника, подняла в воздух. Васька уже не хватал ногами земли, его, словно нашкодившего щенка, трепали за шиворот из стороны в сторону.

Но Васька сумел зацепиться ногами за невидимого противника и вырваться из его клешней. Перед ним стоял ухмыляющийся Андрюха Чекан. Васька опустил голову и бросился на нового врага. Однако силы были слишком неравные. Андрюха перехватил парнишку, и бросил на землю...

Что творилось в этот миг в груди у Васьки, передать невозможно. Васька вскочил и бросился бежать, куда глядят глаза.

Он летел во весь опор, боясь, что сердце его сейчас выскочит из груди, но не от напряжения, а от жестокой обиды. И нужно было как-то унять эту боль, охватившую все Васькино существо, убежать, умчаться от нее, или совершить сейчас что-то такое, что бы смыло с него и со всего окружающего мира эту ужасающую несправедливость, невозможность защитить и отстоять самое для него дорогое...

Дети сразу поняли, что с их товарищем произошло что-то из ряда вон выходящее и что дальше может случиться непоправимое. Они бросились за Васькой вдогонку, пытаясь остановить его, удержать. Но догнать Ваську было невозможно.

Тут небо над миром раскололось, блеснули молнии такие огромные и страшные, что казались они корнями гигантских деревьев, выдернутых невиданной силой из земли.

Следом ударил оглушающий, раскатистый гром, тут же на землю обрушился ливень, и в потоках его скрылся мир: и белая церковь, похожая на Ноев ковчег, наполненный перепуганными детьми, и берег великой реки, и дальние кряжи вековой тайги, и белая рубашонка мальчишки, для которого в один миг ушла из под ног земля.

Кто-то из ребятишек бросился в деревянный флигелек директора. Виктор Акимович понял все без лишних слов. Превозмогая себя, он не шагнул, а буквально летел к скотному двору, не чувствуя бьющих по телу плетей дождя.

Он быстро оседлал Серку и помчался во весь опор по речному наволоку, пытаясь оглядеть в темных лугах белую рубашонку мальчишки. Какое-то время показалось ему, что видит он в бурунах взыгравшей стремительно реки белое пятно. Кинулся было к берегу, но пропало виденье за пеленой дождя.

...Гроза ворча и громыхая медленно уходила за таежные кряжи.

В парке у церкви меж стволами деревьев летали, как призраки, светящиеся неземным светом шаровые молнии. Глядя в окна, дети видели, как взрываются они словно бомбы, и долго после каждого взрыва плыло в глазах негативное отражение мира.

А в доме том, забившись в темный уголок, тихо плакала голубоглазая девочка Лариса.

Всю ночь в окнах директора не гас свет. Виктор Акимович не спал, ходил по комнате, время от времени останавливаясь у буфета, наливая из графина в стакан водки, и снова мерил покалеченной ногой пространство...

На утро выяснилось, что еще одного человека недосчитался детдом. На утреннем построении не оказалось и Коли Покачева.

Ночь на реке

Только к ночи успокоилась река, взбаламученная небывалой грозой. Усмирились его буруны, спрятали под воду белые бараньи шапки, вышла на небо полночная луна и осветила мир призрачным неживым светом. Где-то на разливах кричала с протяжной тоской, леденя душу, тревожная птица выпь, утки крякали настороженно, прислушиваясь в полудреме, не пробирается ли болотными кочками в поисках добычи лисовин.

Глубоко по ямам забились рыба, напуганная бурей и грозой, не вышел на разбой даже ночной хищник невозмутимый сом.

А в землянке, вырытой ребятами в обрыве метался в горячечном бреду Васька. И виделось ему, что бредет он тайными тропами, преодолевает непроходимые болота, горные перевалы, укрытые снегами и оказывается, наконец, в удивительной стране, наполненной ласковым теплым светом, где цветут удивительные деревья, а на ветвях их порхают радужные птицы, поющие нежными голосами. Звонкие ручьи там полны меда, а говорливые реки полны парного молока...

Васька шагает этих чудным цветущим садом, вздыхая ароматы невиданных цветов и вдруг останавливает его голос такой родной и близкий.

– Вася! Васенька! Иди скорее сюда!

Васька оборачивается и видит, что к нему протягивает руки его мама, а рядом с нею отец, радостный и улыбочивый с веселым прищуром глаз... А рядом с ними его девочка, любимая его девочка голубоглазая Лара.

Она берет его за руку и все они устремляются по воздушным дорогам этой чудесной страны...

– Это страна счастья, сынок. – Говорит ему ласково отец. – Здесь нет вражды, нет злобы и обид, здесь все любят и уважают друг друга. Здесь царство мира, согласия и дружбы...

...Коля Покачев знал, что Уралов должен быть в их землянке. Кому-то постороннему найти друга будет невозможно. Как только стемнело, он отправился к Иртышу. Его не пугали, ни леденящий хохот филина в парке, ни крики тревожной птицы выпы, ни холод сырой травы. Колька привык жить в природе, так же как человек привыкает к своему дому или квартире.

Лунный свет, проникавший в землянку закрыла тень маленького человека, но Васька уже не увидел спешащего на помощь друга. Он был уже весь в этом волшебном горячечном полете. Губы его были сухи, на лбу выступила холодная испарина, руки нервно теребили ворот рубахи на груди. Васька задыхался.

Колька действовал быстро. Он затопил буржуйку, сразу же наполнившую теплом их маленькое убежище, достал из мешка бубен и стал греть его на открытом огне. Скоро бубен подсох и туго натянутая кожа его загудела. Колька, как заправский шаман поднял бубен над головой и ударил в него пальцами, извлекая рокочущие звуки. И в унисон этому рокочущему звуку бубна горловым голосом Колька затянул заунывную древнюю песню без слов. Все быстрее выбивали пальцы рокочущий звуки бубна, все быстрее вторило ему горловое пение Кольки, словно и не мальчик был это, а великий шаман из рода шуки, который знает такие сокровенные таинства бытия и космоса, которые даны лишь очень немногим на этой земле. Все быстрее ритм, все быстрее движения Колькиного худого тельца, все выше и пронзительнее звуки, kloкочущие в горле маленького человека.

Казалось, что душа и тело разделились, нет преград и расстояний, нет невозможного. И только звук бубна, ставший уже таким далеким, что рокот его еле слышен и тоньше комариного писка, но голос тот волнует, зовет вернуться обратно на землю, напоминая о незавершенных на земле делах...

...Утро было светлым, промытым дождями, очищенным грозой. Васька открыл глаза, чувствуя в теле необычайную легкость. Он словно забыл весь ужас вчерашнего дня, свершившейся драмы на задворках детдома. Он вскочил на ноги, но его кинуло к стенке, ноги были слабы и предательски дрожали.

В это время в проеме землянки появился Колька с дымящимся котелком в руке.

– Сейчас я тебя буду поить травами, чтобы к тебе вернулись силы. Меня этому учил дедушка. Он много знал всяких целебных трав и я от него учился.

Васька с благодарностью принял из рук товарища кружку с зельем. Напиток был горьким и противным, но с каждым глотком в по телу разливалась волнами энергия и кровь закипала по жилам.

Васька остановился, перевел дыхание, взглянул на Покачева и твердо сказал:

– Ты как хочешь, Колька, но я обратно не вернусь. И если вернусь, то не сейчас, А когда стану сильным и смелым, как отец. Я уйду с тобой на поиски твоего родового озера! Ты=то не передумал?

– Я готов хоть сейчас, – отвечал Колька и лицо его озарилось на мгновение радостью, но тут же забота пролегла складкой меж бровей...

– Нужно оставить ребятам и Виктору Акимовичу письмо, что мы живы, и что мы обязательно вернемся. Они переживают за нас, Виктор Акимович тот всю ночь не спал, а с утра опять оседлал Серка и отправился на поиски. Я слышал, он рыбакам в колхоз звонил, будут неводом тралить, нас искать...

Васька при этих словах встрепенулся и на глаза его навернулись непрошеные слезы. Но он пересилил себя.

– Решено так решено! Достань, Коля, мою коробку из-под лавки, я напишу им. А ты незаметно отнесешь и бросишь в почтовый ящик.

Не прошло и полутора часов, как письмо было написано и доставлено, вещи собраны и уложены в лодке. Колька принес еще и железную буржуйку из землянки и тоже примостил ее на железном листе, оборудовав камбуз.

Мальчишки налегли дружно на весла, отталкиваясь от берега, и скоро их утлый челн, возвращенный к жизни трудами из брошенной плотоводами прохуdivшейся лодки, качался на волнах.

До свидания детдом! До свидания дорогой Виктор Акимович! Прощайте, ребята, с которыми сдружились и сроднились за эти два года. Прощайте, тетка Окулина, кормилица и поилица... Прощай, мерин Серко и все обитатели детдомовского подворья...

Прощай, невысказанная Васькина любовь, неземная девочка Лариса! Васька вернется к тебе сильным и непобедимым!

У рыбаков

– Глянь, мужики, к нам подмога прибилась! – Крикнул высокий костистый мужик, вышедший из рыбного склада, и увидевший уткнувшуюся в берег лодку, на которой крепко спали мальчишки.

Неспешно вываливались из рыбацкого домика заспанные мужики, закуривали папиросы, разглядывая неожиданных гостей.

Утро выпало с тихим дождичком и густым туманом. Река была рядом, но ее не было видно – весь утренний мир поглотил этот молочный туман. И только вытасченный на берег красный бакен, рыбацкий стол под навесом с приклеившимися перламутровыми рыбьими чешуйками, да керосиновый фонарь под железным абажуром придавали миру некоторую реальность. Да слышно было, как дышит река неуловимым движением вод.

Васька и Колька спали сладким сном. Они плыли уже третьи сутки и сильно устали. Картины проплывающих мимо берегов не отличалась большим разнообразием. Редкие убогие поселения, склады древесины с затонами, где формировали сплавщики длинные плоты для транспортировки их по реке. Однажды ближе к ночи попался им встречный пассажирский теплоход весь в сиянии огней, из радиорубки его неслась музыка, а на верхней палубе парень с девушкой танцевали вальс. Пароход, шлепая плицами по воде, исчез, как видение за излучиной реки, и ребята долго еще заворуженно глядели ему в след, думая каждый о своем.

Ждали слияния рек. По их расчетам это место должно было появиться с часу на час. Все ближе поступали к берегам с правого борта густые кедрачи, с левого простирались широко заливные поймы, «соры», на которых нагуливала к зиме жир сорная рыба – язь, плотва, щука...

Потом природа стала зримо менять свой характер, лиственные леса уступали место хвойным, все чаще степные просторы сменялись гигантскими болотами, с чахлой растительностью... Малые реки, впадающие в реку, несли с собою темные болотные воды. Менялись краски ночного неба, оно уже не было похоже на темный бархат, на котором зажигались яркие крупные звезды. Небо теперь и самой глухой ночью было сумеречно светло.

Однажды ночью почувствовали ребята дыхание самого Ледовитого океана, лодка ночью покрылась инеем, который растаял только по утру...

Этой ночью ребята не сомкнули глаз, стараясь, как можно дальше продвинутся по намеченному маршруту. Покачев считал, что после слияния рек нужно пройти по еще километров пятьдесят, а потом уже углубляться по правому берегу в тайгу, чтобы выйти к своему родному озеру.

Первым открыл глаза Колька. Он увидел проступивший в тумане ветхий сарай на берегу, где ютилась рыбацкая артель, горы деревянных ящиков, залепленных рыбьей чешуей, большие просмоленные лодки на берегу, развешенные на колах вдоль реки невода с большими деревянными поплавами.

– Давайте, гости дорогие, к нашему шалашу! – У лодки стоял высокий, заросший щетиной мужик и приветливо улыбался.

Горел костер на берегу, фыркал на огне большой закопченный чайник, на стол, сколоченный из не строганных досок, принесли огромное блюдо с холодной вечерней ухой, уже схватившейся, как студень.

Колька растолкал друга, и они с опаской сошли на берег.

Рыбаки выдали им ложки, усадили за стол, но есть не начинали.

– Где-то там Костюшка с девками хороводится? С вечера – гармошку в рюкзак и ускакал верхами в деревню. – Озабоченно проговорил старый рыбак с лицом, похожим на печеную картошку.

– Вернется твой Костюшка. Это настоящий рыбак. И погулять не промах, и порядок знает. – Успокоил его высокий артельщик.

В тумане послышался глухой стук копыт и тихое ржание.

– Во, что я говорил. – Довольно подытожил артельщик.

Из тумана выплыла сначала голова гнедой кобылы, потом над нею показалось довольное лицо Костюшки с запутавшейся в русых кудрях сенной трухой.

Рыбаки понимающе хохотнули и принялись хлебать уху, держа под ложками ломти ржаного хлеба.

...Уха была необычайно вкусна, но все же артельщики хлебали ее без особого аппетита, видимо, уже приелась за сезон, но чай со смородиновым листом пили с чувством. Скоро задымились папиросы и самокрутки, и старший артельщик поинтересовался деликатно:

– Куда, ребятки, путь держите?

Отвечал Васька.

– Плыдем на каникулы на озеро Шаман. Слыхали, небось? Там у Кольки Покачева родное озеро.

– Шаман? Далеко, однако. Надо тайгой да болотами недели две идти. Глухое место. Не зная троп, долго ли заблудиться?

Артельщики качали головами.

– Оставляйтесь-ка лучше с нами. – Предложил старший. – А то у нас хозяйство некому вести. Да скоро уж и путина, муксун пойдет, заработать можно хорошо. Вся-ко и денежка к школе пригодится...

Колька глянул на друга и уверенно отвечал:

– Спасибо вам, дяденьки. Однако, нельзя нам оставаться. Озеро ждет.

Рыбаки уважительно посмотрели на Кольку.

– Ну, тогда погостите, припасы в дорогу сделайте. Вот сегодня туман рассеется, так с нами на тоню сходите, рыбки хорошей в дорогу возьмете. – Рассудил старший артельщик.

Ребята с радостью согласились.

– А до слияния рек далеко? – Взволнованно спросил Васька.

– Рукой подать. Сегодня туда и пойдем. Особое это ребятки место, былинное, сколько про него легенд да сказок в народе живет – не переслушать.

Костюшка, молчавший до сих пор, оставил кружку и кивнул на старого рыбака с лицом, похожим на печеную картошку.

– Вы Каева вечером попросите, он вам расскажет. И мы послушаем за кампанию.

Каев согласно склонил голову.

– Ну, с Богом! – подал решительный голос бригадир. Артельщики поднялись из – за стола, раскатывая голенища сапог.

Туман все еще укрывал мир. Но рыбаки погрузились в лодки и поплыли от берега в сплошном молоке. Как они угадывали направление, понять было трудно. Но артельщики гребли уверенно, и лодки ходко скользили по воде.

Через час подул легкий ветерок и туман начал рассеиваться.

– Подходим, – сообщил доверительно Костюшка ребятам. – Смотрите внимательно. Вот чудо, так чудо.

Ветерок окончательно сорвал с реки туманную занавесь, и взору детей открылась величественная картина.

Две могучие реки несли свои потоки навстречу друг другу. Одна несла желтые воды, другая – голубые. Вот берега распахнулись, разбежались по сторонам и два потока, ударившись друг о друга по касательной, подняли бурун, и еще какое – то время бежали рядом, не желая уступать друг другу главенства. И уже в одной реке, в одних берегах бежали не смешиваясь два потока – желтый и голубой.

– Ничего, обнюхаются, приносятся друг к дружке и скоро станут одной рекой. – Сказал раздумчиво Каев. – Так вот и в семейной жизни бывает. Муж да жена – одна сатана!

И тут Колька взволнованно ахнул.

– Васька смотри сюда! – Покачев даже привстал от волнения. – Рыбий Дед!

– Где, где Колька?

– Да вот же. На высоком-то берегу. С носом.

И верно, на высоком берегу стояла высеченная из дерева фигура старика с неестественно длинным носом. Таким длинным, что нос этот скорее походил на хобот.

Ваську рассмешил деревянный идол. Но Покачев не заметил иронии.

– Это у него потому такой нос, что этим носом он рыбу к берегу притягивает. Теперь то уж точно будет удача.

...Невод выметывали на противоположную сторону. Он охватил едва ли не полкилометра русла и речной поймы. Одну сторону невода тащили веревками с помощью артельной кобылы, на которой приехал к берегу рыбак, другую – осиливали сами.

– Навались! – Командовал старший артельщик. – Раз-два взяли!

Жилы на шеях у рыбаков напряглись, лица покраснели, упиралась артель во все человеческие и одну лошадиную силу, и невод, обозначенный цепочкой пляшущих на воде поплавок, нехотя стал продвигаться к берегу.

– А ну, ребятушки, взяли, – подбадривал старшой. – Идет родимый, идет.

Каев, сидевший в лодке на чупе невода на случай непредвиденного зацепа, заволновался.

– Стенки, стенки держите, не дайте уйти! С рыбой будем!

Веревки вышли на берег, теперь выводили крылья невода. Уже сейчас видно было, что рыбы попало изрядно, еще до берега было далеко, а чупа уже вскипала бурунами, и поплавки бешено плясали на воде и вовсе уходили под воду.

Васька с Колькой тащили невод наравне со всеми, загораюсь все больше и больше рыбацким азартом и предчувствием небывалого улова.

Вот уже вышли на берег и стенки невода, в воде оставалась одна чупа, буквально кипевшая рыбой.

Лошадь переапрягли в телегу, подогнали к самой воде. Два рыбака с черпаками на длинных ручках зашли в воду и стали вычерпывать добычу, сгружая в телегу.

Пятнистые щуки извивались, как змеи, бронзовые крупные чебаки с тяжелым стуком падали на дно телеги, серебристые с синим отливом благородные муксуны мощно бились в сетках черпаков, тут же были и стерлядки, похожие хребтами на плотницкие пилы.

Радостные подъем царил среди артельщиков. Скоро телега была полна. Стали заполнять и привезенные со склада ящики, одну лодку завалили рыбой чуть ли не вровень бортов, а рыбы, казалось, в чупе все не убывало.

В самом конце ее билось что-то несуразно большое, и азарт разжигал рыбаков. Наконец, Костюшка не выдержал и коршуном бросился прямо разверзнутую пасть чупы.

Вода вскипела, завязалась борьба между молодым и сильным рыбаком и кем-то, пока еще не видимым и лишь угадываемым по силе, с какой свивал он рыбацкую снасть.

Костюшка все же не устоял на ногах, в какое-то мгновение он ушел под воду с головой, но тут же вынырнул и выдохнул хрипло:

– Держу!

Он уперся ногами в дно, подтаскивая к берегу добычу, но через мгновение полетел с ног. В воздухе мелькнул огромный косой хвост.

– Осетр! – Несколько человек выкрикнули разом это слово, как заклинание, и повалились на Костюшку и бьющуюся под ним огромную рыбину.

...Домой возвращались уставшие и тихие. Часть рыбаков ушла пешком. Покачев шептал слова благодарности Обскому Деду, пославшему богатый улов.

Каев рассказывал:

– Был у нас в прежние времена, когда я на Волге жил, один рыбак. Как звали-то по христиански, так я уж не помню. А прозвище зацепилось: Карась. Тот Карась промышлял белугой. А знаете, какая это рыба? Бывало по тонне весом попадалась.

Ребята слушали и не знали верить Каеву или нет. Как такую рыбу представить? Она, наверное, с лодку будет.

– Так вот, ребята. Изымает он белугу, пропустит ей под жабры веревку и катит на ней, как на самоходном катере аж до города... Да и продаст там ее по большой цене. Потом до дому на тройке прикатит пьяный, с дорогим вином, в обновках. За неделю спустит заработок и снова на ловлю едет.

Одинова, такую поймал, что она дорогой задурела, да и разнесла Карасеву лодку в щепки. А у него веревка к ноге привязана была и утянула, сказывали белужина Карася к себе в пучину. С тех пор никто его и не видывал.

Ребята не нашлись, что ответить Каеву. Молчали до самого рыбацкого стана, переживая впечатления дня.

Вечером варили стерляжью уху, готовили малосолого муксуна. Старший артельщик принес из сарая припрятанную бутылку спирта.

– Давайте-ка выпьем мы за нашу артель. – Сказал он, поднимая кружку. – Не зря говорят: «Дружно не грузно, а врозь хоть брось!» Этакую работу сегодня свернули.

– Да уж, – поддержал Каев. – Артельная каша, гуще кипит.

– Выпьем, братцы и за наших гостей. – Продолжал бригадир Это они нам удачу такую принесли. Пол месячного плана взяли. Один осетр на два пуда потянул... Так пусть же и им во всем сопутствует удача!

Стукнулись кружками, крикнули и долго, до седьмого пота стучали ложками по блюду, вылавливая расплавленное золото стерляжьего жира.

После чая, разморено закулив, повернулись к Каеву.

– Ну, что, дедко, скажи – ко, ребятишкам сказку. Мы тоже давно уж от тебя сказок-то не слушали.

Каев не отказывался. Наоборот, видимо ему нравилось рассказывать истории рыбакам.

– Ну, что, – откашлявшись начал он, – расскажу про наши великие реки... Сказки рассказывать – не дрова рубить. Слушайте.

У каждой птицы – свое гнездо, у каждого человека своя малая родина. А как же без родины реке быть? Не бывает без родины даже больших рек...

...Тихо над рыбацким станом. Чайки накричавшись за день, уgomонились в речных протоках, лишь изредка доносились с реки глухие удары, то крупная рыба выходила на промысел, ударами хвоста глушила задремавшую молодежь. Стреноженная рыбацкая лошадь топала в росных лугах да хрустела травой.

Старик замолчал. Полночные звезды густо сияли на небе, пора было ночевать.

...Мальчишки, убаюканные красивой сказкой, уже клевали носами. Рыбаки потянулись в сарай, только за столом под навесом оставались еще старший артельщик Пылов да старый рыбак Каев.

Уже засыпая, Васька слышал, как старший артельщик рассказывал Каеву.

– Разведка боем, дядя Саша, – это когда тебя посылают на верную смерть. У тебя отбирают все документы, награды, знаки различия. И ты идешь в открытую, а тебя противник из всех огневых средств лупит, так, что небесам тошно.

Вот мы и пошли. Нас было двести человек отобрано, а вернулось только семь...

Собирали припасы в дорогу. Пылов положил ребятам пяток больших присоленных муксунов, связку вяленых чебаков.

– А можно я, дядя Ваня, возьму муксуньей икры хантыйского хлеба сделать, да щук небольших.

– Бери, бери. У нас этого добра не убудет. – Согласился старший артельщик. – А мы у тебя поучимся.

Колька раскопегарил железную печку, попросил у рыбаков большую сковороду. Насыпал из своих припасов на сковороду кедровых орешков и принялся давить плоским камешком, пока на сковороде не выступило ароматное таежное масло. Потом он взбил в большом блюде муксунью икру, выкинул из нее пленки и стал примешивать в нее муку. Получилось тягучее, пахнущее сырой рыбой тесто. Колька выложил его на разогретую сковороду и скоро вогульский хлеб спекся в тугую лепешку.

Первую лепешку Колька разломил на всех. Рыбаки с интересом пробовали, деликатно хвалили Колькину стряпню, обещали перенять опыт.

Тем временем Васька выпотрошил несколько небольших щук, нарезал в прибрежных кустах палочек, очистил их, заострив концы.

Принесли из сарая плошку клюквы. Покачев ловко разворачивал на столе щук, натирал их с внутренней стороны давленной клюквой и осторожно протыкал их палочками, так, чтобы заостренный конец палочки оставался в щучьем теле.

– Так всегда в нашем роду делали. Нельзя, чтобы палочка насквозь проходила, иначе щука на человека обидится и вся сила из нее уйдет.

Рыбаки удивленно качали головами.

– Теперь я поставлю щук к стенкам печки, и пусть они сохнут. – Рассказывал Колька увлеченно. – Как высохнут, можно их в мешок складывать и в дорогу с собой брать. Все ханты в дорогу сушеную щуку берут. Бросишь в котелок с водой, вот тебе и еда. Щука много сил дает.

...Пополнив запасы, ребята погрузились в лодку и поплыли дальше. Рыбаки провожали их всем станом.

– На обратном пути приворачивайте! Будем ждать!

Не успели они доплыть до слияния рек, как услышали перестук копыт. Следом за ними скакал верхами Костюшка.

Ребята заволновались и направили лодку к берегу.

– В деревне был, – сказал, отдышавшись Костюшка. – Я уж при всех не стал говорить. Ищут двух мальчишек. Из детдома сбежали. Участковый в клуб приходил, наказывал, что если объявятся, то ему сообщить.

Костюшка замолчал, а ребята повесили головы.

– Ну, чего засмурели? Рассказывайте, куда путь держите? Я не выдам, а, может быть, подскажу чего или помогу.

– Нам, Костя, обратно никак нельзя. Нам на Шаман надо. – Отвечал Колька. – Нам надо родственников найти. Там на Шамане наши чумы стоят.

– А точно найдете? – Засомневался Костюшка. – Про Шаман-то я слыхал. Богатые места, но нехоженые. Там где-то говорят, в старину раскольники скрывались от царских властей. Это надо вверх по Кондасу подниматься.

– Я, Костя, дорогу найду. Не сомневайся. Я ведь вогул. В тайге вырос.

– Ну, коль так, больше задерживать не стану. Зверя в тайге берегитесь.

Он подошел к лошади и вытащил из-за седла старенькую берданку.

– Держите. В тайге без ружья нельзя. Вот и патроны к ней. – Костюшка протянул ребятам туго набитый кожаный подсумок. – Обратно пойдете, вернете.

...Костя забрел в воду, сильно оттолкнул лодку. Скоро ее вынесло на течение.

Все те же черные птицы кружили над рекой и утлой лодчонкой, на которой два юных существа отправились в безрассудное путешествие в поисках земли, где царят добро и справедливость, любовь и добросердечие, в страну Живого Огня.

И если посмотреть сверху, с той высоты, где кружат черные птицы, то увидеть можно, как великая река рассекает гигантские пространства бесконечных озер и болот, разъединенных узкими перешейками лесов. Небольшие гривы кедрача и снова озера и болота, болота и озера, насколько видит глаз.

Малопригодная для жизни земля, доставшаяся людям, рыбам, птице и зверю в наследство от великого потопа, вызванного растаявшим в древние времена ледником.

Для случайного, пришедшего покажется она сумрачной, неприятной. Только случайных людей здесь не случается...

В тайге

Лодку спрятали в устье Кондаса под нависшими над водой ветвями ив. Дальше путь их лежал через тайгу и болота. Но ребят не страшила дорога. Колька хорошо ориентировался в тайге по солнцу, по свету звезд, по лишайнику, нараставшему на елках с северной стороны.

Первый день прошли без приключений. Ночевали на сухой гриве под вековыми кедрами. Разожгли костер, наелись отварной щуки, напились чаю с брусничным листом. Дым от костра отгонял надоедливых комаров и мошку, было хорошо и покойно. Постепенно отступала, уходила прочь горечь обиды и смутнение, царившие в Васькиной душе в первые дни после побега.

Колька подкидывал в костер сухие ветки и, глядя на огонь, рассказывал:

– Однажды муж с женой ночевали у костра. Выскочил из костра уголек и попал на ладонь мужу. Больно ему стало. Он рассердился, схватил топор и стал рубить топором кострище. Огонь и угас.

Наутро встали, никак жена не может развести костер, сколько ни билась. Муж разжигал, – нет огня. Обиделся огонь.

А люди уж совсем замерзать стали, только тут появился крохотный такой огонечек и говорит:

– Отдайте мне вашу дочку, тогда я и появлюсь. Поставьте ее в костер и ничего не бойтесь, ей не будет больно.

Чего делать-то? Поставили девочку в кострище, тут охватило ее пламя, а она стоит и улыбается. Потом пропала совсем, как будто ее и не было. А огонь разгорелся, сильным стал и жарким.

– Ну, это сказка! – Засмеялся Валька.

– Наши люди верят, что нельзя огонь обижать. Нельзя в костер мусор бросать, плевать нельзя... Огонь защищает человека от злых духов, очищает...

– А в кого еще ваши люди верят? – Спросил с интересом Васька.

– Есть такой большой человек, он объезжает свет на белом коне, наблюдает за миром. Зовут его Мув-керты-ху. Но он не вмешивается в людские дела, а вот бог Торум и его сын Медведь, его еще лесным человеком зовут, они с людьми рядом.

– И чего они делают? Чем медведь может человеку помочь.

– Медведь охраняет людей от болезней, стережет их жилище, разрешает споры даже судит. Вот если кто у кого чего-нибудь украдет, и на этого человека покажут, то ему дают в руки медвежью лапу, ставят под медвежьим черепом, и спрашивают: виновен он или нет?

– И что, человек уже не может соврать?

– Никак, нельзя. Иначе лесной человек накажет лгуна.

– А почему же геологи говорили, что на ваше стойбище напал разъяренный медведь.

– Я не знаю, но у нас так бывает, если охотники убили медведя, то они должны задобрить его душу. В стойбище устраивают медвежий праздник.

– А если только ранят, и он уйдет разгневанный?

– Тогда говорят, что в медведя может вселиться злой дух Тарен. Это очень опасно.

...Тихо в вековой тайге. Чуть слышно потрескивает костер. Да изредка налетевший с севера ветер полуночник качнет вершины кедров, скрипнет где-нибудь сухая древесина и опять тишина.

Смолкли в чаще птичьи голоса, с севера наплзли тучи, укрыли небо сплошным серым одеялом, и сразу стало тепло.

Но что это? Замерли ребята, затаили дыхание. Будто хрустнула ветка под чьей-то тяжелой ногой, одна, вторая. И вот за деревьями в непроглядной темноте явственно было слышно, как раздался тяжелый утробный вздох.

Ребята напряглись, а Васька подтащил в себе берданку.

Стало заметно светлее. Видимо, возшла луна и через облака осветила ночной мир. Тревозно вскрикнула ночная птица и стихла. И тут внутренним чутьем оба мальчишки ощутили в окружающем их пространстве появление кого-то еще. Его присутствие словно разливалось в воздухе, заполняло пространство, подчиняло себе всякую другую живую волю, от мелкой птахи до человека.

Мороз пополз за ворот, сердце застучало часто-часто. Прошло несколько минут, и снова такой же тяжелый, но уже полный страдания вздох прозвучал в ночной тайге.

Васька передернул затвор берданки. Стало слышно, как осторожные вкрадчивые шаги удалялись вглубь леса.

– Это он! – прошептал Колька. – Лесной человек.

– Мне, кажется, не с добром он пожаловал. Может быть, это тот самый, что ваше стойбище разорил. – Отвечал ему шепотом Васька. – Может, шатун какой. Я читал. Если его ранить, то он будет людям мстить, пока его не убьют.

– Давай побольше кинем в костер дров, чтобы он не вернулся... Мы попросим огонь, чтобы он нас защитил.

Языки пламени поднялись к ночному небу, но в тайге оставалось все так же темно и таинственно. И только Кондас, бежавший неусыпно к большой реке, отражал отблески костра, унося с собою быстротекущее время.

Ребята уснули только под утро.

У старообрядцев

Все дальше и дальше уходили в глухие урманы наши маленькие герои. Все глуше лес, все зыбучее болота.

Днем, когда солнце поднималось в зенит, тайга превращалась в настоящее пекло. Плавила на соснах смола, над болотами поднималось знойное марево, настоянное на сладковато-терпких запахах торфа и багульника, от которых кружилась голова.

Путались ноги в зарослях брусничника, соленый пот застил глаза, струился потоками по лицу, разъедая уголки губ.

От комариного гула стоном стонала тайга. И только марлевые накидки, запасенные в детдоме и вываренные в дегте, спасали ребят от этой адской напасти.

Но ребята все шли и шли без остановок.

Непуганные глухаринные выводки сновали под самыми ногами, лисы не спешили уступать людям дорогу при встрече и даже зайцы, пасшиеся на полянах, не скакали испуганно прочь, завидев человека.

Шли тайгой уже третьи сутки. Колька шел впереди, лицо его было сосредоточено, чувствовалось, что парнишка всей душой стремился туда, где на берегах родового озера прошло его детство. А вот у Васьки таежные урманы рождали в душе смятение и тревогу. Он вспоминал с грустью маму, их родной опустевший разом деревенский дом, голубоглазую девочку Лару, детдом и Виктора Акимовича. Иногда Ваське казалось, что этот побег, который устроили они с Колькой, был глупой затеей. Но тут же в глазах его вставало ухмыляющееся лицо Ленки и Андрюхи Чекана, и шаг становился увереннее и тверже.

К середине третьего дня Колька неожиданно остановился и прислушался.

Васька, шедший сзади тоже, притормозил и взял на изготовку берданку.

– Слышишь? – Колька поднял кверху палец, замирая.

Васька тоже затаил дыхание. Шумела тайга, попискивали малые пичуги, звенели комары, позванивал невдалеке ручеек. И тут в таежную тишину где-то далеко вошел до боли знакомый задиристый боевой клич.

– Петух! – Обрадовался Васька.

... Не прошло и получаса, как в тайге образовался просвет, и ребята вышли к вырубкам, густо заросшим малиной и цветущим иван-чаем. За вырубкой начиналась изгородь. Ребята пролезли между жердинами и осторожно вышли на опушку. Отсюда открывалась картина довольно большого таежного поселения.

Прямо перед ними колыхалась уже вышедшая в трубку рожь, слева голубело льняное поле, за хлебной полосой стояли крепкие, рубленные в лапу амбары, за амбарами дома. На задворках домов видны были огороды с пасекой колод в двадцать, покрытых сверху соломенными шапками. В центре деревни возвышалась маковка часовни с деревянным крестом. За деревней виднелось серебряное зеркальце озера в оправе темного леса. На озере в лодке зависал над сетями рыбак.

Справа чуть в стороне от деревни при впадении таежного ручья в озеро стояла водяная мельница. Ее замшелое колесо неспешно вращалось, роняя искрящуюся на солнце воду.

– Вот это да! – Выдохнул пораженный Васька. – Красотища какая! Хотел бы я здесь пожить хоть недельку.

Колька не успел ему ответить. От деревни к лесной опушке бежала девчонка лет тринадцати в сарафанчике, ладных лапоточках, красных, аккуратно навернутых на ноги онучах.

– В лаптях! – ахнул Васька. – Как в кино!

В одной руке девчонка несла деревянную бадеечку, а во второй была палочка, которой девочка громко стучала по бадеечке.

– Зорька, зорька! – весело кричала она. – Звездка, Звездка! Идите сюда!

Девчонка бежала прямо на ребят. Мальчишки попятились и спрятались заросли иван-чая. И тут за их спинами что-то затрещало, зафыркало, ребята оглянулись и замерли от ужаса. Рядом с ними лезли сквозь заросли огромные горбоносые лоси. Они едва, едва не наступили на ребяткишек.

Лоси уверенно шли к девчонке, которая уже перелезла изгородь и достала из бадейки ржаные ломти хлеба. Лоси хватали хлеб большими мягкими губами.

А девчонка, зажав крепче одной рукой бадейку, сноровисто принялась доить лосиху. Васька аж задохнулся от увиденного.

– Нет, ты смотри, Колька, – прошептал он с жаром. – Доит! Лося доит! Вот чудо.

Струи густого лосиного молока уже не звенели о дно подойника, видимо он быстро наполнился. Лосиха покорно позволяла себя доить. Кажется, ей это доставляло удовольствие. А рядом своей очереди ждала вторая лосиха.

Васька, чтобы лучше разглядеть эту, поразившую его картину, привстал в своей ухоронке. И тут девчонка увидела его.

Подойник выпал из ее рук и глухо стукнулся о землю.

– Держи молоко-то! Прольется! – Крикнул ей хозяйственный Васька, порываясь спасти удой.

Девчонка завизжала. В округлившихся глазах ее стоял ужас, словно она увидела не деревенских мальчишек, а что-то невообразимо страшное.

– Эй! Не балуй. – Тут же раздался басовитый окрик. Из-за деревьев появился молодой русоволосый мужик в окладе бороды и длинной поясной рубахе. В руке его блестел топор.

Но, увидев ребяткишек, он тоже опешил, застыв с раскрытым ртом. Васька с Колькой посмотрели друг на друга. Вроде бы ничего необычного в их облике не было, чтобы привести людей в такое изумление.

– Здравствуйте! – нашелся, наконец, Васька. – Мы это, идем с Оби, нам на Шаман надо!

Мужик и девчонка оторопело молчали.

– А скажите, это какая деревня? – продолжал Васька начатый разговор.

Мужик не отвечал. Но лицо его, фигура не выражали агрессии или злобы и Васька решился подойти.

– Это Колька Покачев, показал он на друга, тоже присмирившего и пялившегося во все глаза на девчонку. Он – из вогулов. Мы на его родовое озеро пробираемся. На Шаман. Стойбище там. Не слышали? – Еще раз объяснился мальчишка.

Мужчина с топором молча покачал головой.

В это время лосиха наклонил морду к Васькиной голове идохнула горячо прямо Ваське в ухо. Мальчишка отпрянул, а мужчина чуть заметно улыбнулся.

– Не бойся. Они у нас ласковые. Не обидят.

Девочка тоже прогнала, наконец, с себя оцепенение, подняла подойник.

– Ты, вот что, Анютка, заканчивай обряд, а я с гостями пойду в деревню. – Сказал бородатый, видимо, Анюткин отец, и жестом пригласил ребят следовать за собой.

Прошли межой к деревне. Посреди ее стояли пахучие стога сена, меж ними возвышались деревянные качели для детворы, колодезный журавль тянул длинную шею к небу.

– Какой веры? – Спросил строго ребяткишек мужик. – Старого обряда или нового, бесовского?

– Чего, чего? – Не понял Васька вопроса.

– Крещеные, спрашиваю вас, али нехристи?

– Не дяденька. Мы не верующие. У нас давно религию отменили. И старую, и новую. Колька, вон правда, верит, так у них своя вера. Они дяденька, щуке поклоняются...

– Тыфу ты, Господи, прости меня грешного! – Рассердился было мужик. – Вот она власть царская, сатанинская – Каково, дети малые без креста живут!

– Да у нас, дяденька, власть давно не царская. У нас советская власть. – Теперь черед удивляться пришел Ваське.

– Как не царская? Неужели конец пришел антихристу.

– Давно уже пришел. – Радостно сообщил Васька. В семнадцатом году скинули царя и всех его пособников.

Мужик упал вдруг на колени и стал молиться, отбивая поклоны.

– Господи, велик ты в деяниях своих, покарал отступников веры твоей.

– Дяденька, так вы что же не знали, что царя давно уже нет? Тогда вы не знаете, что была революция и гражданская война...

– Война? – Поднял мужик голову от земли. – И кто с кем воевал?

– Богатые с бедными. И победили в той войне бедные.

– Бедные? Ну-ка, ну-ка, скажи, а как же приверженцы старого обряда? Утвердили они веру свою, победили ли вероотступников?

– Мы про это дяденька не проходили еще в школе. Мы знаем, что веру отменили и многие церкви закрыли, потому, как Бога, говорят, нет!

Мужик снова начал молиться и отбивать поклоны.

– Так вы, должно быть, дяденька не знаете, что и другая война была. Великая Отечественная.

Мужик поднялся с колен и уставился на Ваську полными смятения глазами.

– Говори!

– Русские воевали с немцами. В сорок первом году эта война началась. Вообще-то это была вторая мировая война. Там все кто-нибудь с кем – нибудь воевал. Наших двадцать миллионов погибло. Мой папа тоже погиб. Он летчиком на войне был. – Сказал Васька с дрожью в голосе. – Но мы все равно победили.

Мужик молча положил на русую Васькину головушку широкую ладонь, потом обернулся к дому.

– Марья! – Крикнул он, обращаясь к раскрытому окну, – готовь погану посуду, гости к нам.

Слышно было, как в доме что-то сбрыкало. После этого на волю выглянуло испуганное женское лицо.

В доме был полумрак, видно было, что изнутри освещают его мятущиеся огоньки лампад, висящих перед иконами.

Женщина истово перекрестилась.

Анютка

Под навесом у дома хозяева накрыли стол. Посреди стола – горшок с постным варевом, мед в глиняной плошке, хозяйка принесла каравай ржаного хлеба, и хозяин нарезал его крупными ломтями.

– Хлеб на стол, так и стол – престол! – Сказал хозяин.

Прибежала с опушки Анютка с подойником, в глиняную плошку налили лосиного молока, крошили хлеба.

Хозяин широким взмахом двумя перстами перекрестился и перекрестил стол.

– Хлебайте, с Богом! С вами Анютка побудет, а мы стога метать. Вечером, говорить станем. Все людишки наши соберутся.

Взрослые ушли, а ребята принялись за еду.

– Мне тятя сказал, что вы некрещеные! За стол сели, лба не перекрестив, – сказала Анютка, со страхом поглядывая на ребятшек.

У Васьки с Колькой ложки застряли на полпути. И оба они почему-то покраснели.

– Наука доказала, – пробормотал Васька, – что Бога нет. Это эволюция сделала из обезьяны человека, а не Бог. Люди скоро в Космос полетят, как можно верить в бабушкины сказки?

Анютка в испуге подняла руки, словно защищаясь от страшных слов.

– Не говорите никогда такого. Господь на Крест за всех нас взошел, а протопоп Аввакум мученическую смерть принял, врагами старой неискаженной Никоном веры заживо сожжен был... И вместе с ними тысячи истинных ревнителей православия...

В словах девчонки было столько страсти и непоколебимой веры, что юные богоотступники замолчали.

– Ты, прости нас, Анютка, но ни о протопопе, ни о Никоне ничего не знаем. У нас в школе такого не проходят. Расскажи, кто они такие и почему меж ними борьба была. – Попросил уважительно Васька.

– Я мигом. – Посветлела лицом Анютка. Она скрылась в доме и скоро вернулась с большой старинной книгой в кожаном переплете.

– Я прочитаю вам из жития преподобного протопопы Аввакума. – Анютка бережно открыла книгу. Это писано им собственноручно в Пустозерске в царской ссылке, куда протопопы Аввакума сослали, за то, что не покорился лживым церковным нововведениям.

Это было двести пятьдесят лет назад. До того православная наша вера семьсот лет была неизменной. А царь Алексей Михайлович допустил до церковных книг пришлых людей, лживых да завистливых, которые православие на католический манер стали перекраивать. И стали они те книги переписывать да править, церковную службу менять, вместо двуперстного крестного знамения, щепоть бесовскую вводить. Главную молитву «Символ веры» переписали. А патриарх Никон стал несогласных с нововведениями гнать, на цепь сажать, головы им рубить и огнем жечь. И стал на Руси Великий раскол.

Ребята смотрели на эту девчушку, не видевшую ни разу в жизни иных людей, кроме своих деревенских, не знавшей достижений науки и техники, не ведавшей о ходе мировой истории, а жившей в остановившемся времени, и не понимали, то ли ее жалеть, то ли восхищаться ею и завидовать ей. Что-то было в ней настоящее, уверенное и мудрое, что заставляло чувствовать себя рядом с ней маленькими и несмышлеными...

Ее глаза были полны смиренного достоинства и непоколебимой веры.

– Вот протопоп Аввакум оставил нам слова истинной правды: «Мы святых отцов церковное предание держим неизменно, а палестинскаго патриарха Паисея с товарищи еретическое соборище проклинаям. – Стала читать она из принесенной книги.

– ... привели нас к плахе и, прочет наказ, меня отвели, не казня, в темницу. Читали в наказе: Аввакума посадить в землю в струбе и давать ему воды и хлеба. И я сопротив тово плюнул и умереть хотел, не едши, и не ел дней с восемь и больши, да братья паки есть велели.

Посем Лазаря священника взяли и язык весь вырезали из горла; мало попошло крови, да и перестала. Он же и паки говорит без языка.

Тоже, положи правую руку на плаху, по запястье отсеки, и рука отсеченная, на земле лежа, сложила сама персты по преданию и долго лежала так пред народы; исповедала, бедная, и по смерти знамение спасителево неизменно.

Посем взяли соловецкаго пустынника, инока-схимника Епифания старца, и язык вырезали весь же; у руки отсеки четыре перста!

Посем взяли дьякона Феодора; язык вырезали весь же.

И прочих наших на Москве жарили да пекли: Исаию сожгли, и после Авраамия сожгли, и иных поборников церковных многое множество погублено, их же число Бог изочтет. Чудо, как то в познание не хотят прийти: огнем, да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить!»

Ребята слушали старинный слог жития, затаив дыхание. Трудно было представить, что ради каких-то незначительных поправок в церковных книгах, ради незначительных изменений обряда одни люди шли на смерть, а другие были способны жечь на кострах несогласных.

– Так вы и есть те самые староверы? Нам про вас говорили рыбаки с Оби. Получается, что у вас никакой связи с миром не было. И как давно вы так живете? – Спросил Васька.

– Наш батюшка рассказывал, что во времена раскола многие несогласные с царем и патриархом, затеявшими нововведения, уходили от преследования на Волгу, на реку Керженец. Там, на озере Светлояр в недоступных местах построен был град Китеж, и жили в нем, следуя старой вере, многие знатные и простые люди. И что даже скрывался там царский сын, первенец царя Алексея Михаил со своей семьей, которому дорога была неисправленная, не замусоренная вера.

Тогда рассерженный царь лишил его престола, а сам стал воевать Соловецкий монастырь, где 300 монахов восстали против новой веры. Шесть лет не сдавался Соловецкий монастырь, пока обманом и подкупом не взяли спящих монахов, истинных хранителей веры.

Всех их по приказу царя казнили. Одних подвешивали за ребра на железные крюки, других вмораживали живьем в лед... А спустя коротко время и сам «безумный царишко», помер весь в гное и струпьях.

Потом уже царь Петр послал свои войска на поиски града Китежа и своего старшего брата Михаила, законного наследника престола.

Когда войска подошли совсем близко к граду Китежу, то город стал невидим и погрузился, рассказывают, в воды озера Светлояр. И явится на свет град Китеж только с пришествием Христа на землю. Вот.

Девчонка передохнула, аккуратно перекрестила себя двумя перстами и закончила рассказ:

– А Михаил со своими сыновьями вошел в огонь и закончил свою жизнь самосожжением, чтобы уберечь невинный народ от преследований и казней.

Ребята сидели потрясенные, оглушенные и повзрослевшие, казалось, сразу на много лет...

– Вот я вам еще из протопопа Аввакума прочту, сказала, наконец, Анютка, открыв книгу на странице с березовой закладкой:

– А в огне том здесь небольшое время потерпеть, аки оком мгнуть, так душа и выступит! Разве тебе не разумно? Боишися печи той? Дерзай, плюнь на нея, небось! До печи той страхот, а егда в нея вошел, тогда и забыл вся...”.

Анютка замолчала. Над скитом стояла такая тишина, что казалось, слышно было, как растет трава и, как паук под сенью крыши плетет свою паутину.

– А как же ваши-то попали сюда? – Тихо спросил Колька, не сводя восторженных глаз с Анютки.

– Наши-то? Старцы тогда прокляли царя Петра, и весь царский род, назвав его антихристовым, и увели многих за Урал, в Сибирь, где царская воля не могла их достать. Ушли в поисках Беловодья – страны Добра, Истины и Справедливости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.